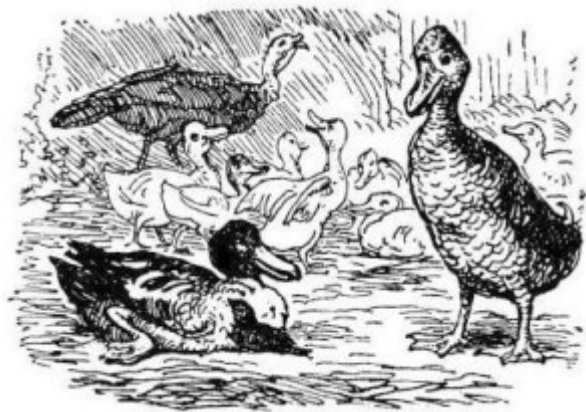

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. На утином дворе (На птичьем дворе)

Из Португалии – а кто говорит из Испании, но это всё едино – вывезли утку; прозвали её Португалкою; она несла яйца, потом её зарезали, зажарили и подали на стол, – вот и вся её история. Выводков из её яиц тоже звали Португалками, и это кое-что значило. Наконец, из всего потомства первой Португалки осталась на утином дворе только одна. На этот утиный двор допускались и куры с петухом, неизменно задиравшим нос.

– Он просто оскорбляет меня своим неистовым криком! – говорила Португалка. – Но он красив, – этого нельзя у него отнять – хоть и не сравнится с селезнем. Ему бы следовало быть посдержаннее, но, ведь, сдержанность – это целое искусство, требующее высшего образования. Этим отличаются певчие птички, что гнездятся вон там в соседском саду на липах! Как мило они поют! В их пении есть что-то такое трогательное, «португальское» – как я это называю! Будь у меня такая певчая птичка, я бы заменила ей мать, была бы с нею ласкова, добра! Это уж у меня в крови, в моём португальстве.

И как раз в эту минуту к ней и свалилась с крыши певчая птичка. Она шарахнулась оттуда, спасаясь от кошки, и отделалась сломанным крылом.

– Как это похоже на кошку, на эту кровопийцу! – сказала

Португалка. – Я знаю её ещё с той поры, как у меня самой были утята! И подумать, что такому созданию позволяют жить и бегать тут по крышам! Нет, уж в Португалии, я думаю, этого не увидишь!

И она принялась соболезнавать о бедной певчей птичке. Соболезновали и простые утки, не португальские.

– Бедная крошка! – говорили они, подходя к ней одна за другой.

– Сами мы не из певчих, но в нас есть внутренний резонанс или, как это назвать иначе? Мы чувствуем, хоть и не говорим о том!

– Так я поговорю! – сказала Португалка. – И сделаю для неё кое-что! Это прямой долг каждого! – С этими словами она подошла к корыту и зашлёпала во воде крыльями, так что чуть не потопила птичку под дождём брызг, но – от доброго сердца. – Вот это доброе дело! – сказала Португалка. – Пусть смотрят и берут пример.

– Пип! – пискнула птичка; сломанное крылышко не давало ей встряхнуться хорошенько; но она всё-таки понимала, что её выкупали от доброго сердца. – Вы очень добры, сударыня! – прибавила она, но о повторении душа не просила.

– Я никогда не думала о своей доброте! – ответила Португалка.

– Но я знаю, что люблю всех моих ближних, кроме кошки! А этого уж от меня и требовать не вправе. Она съела у меня двух утят!.. Ну, будьте же теперь здесь как дома! Это можно! Сама я тоже нездешняя, что вы, конечно, видите по моей осанке и оперению. А селезень мой здешний, не моей крови, но я не спесива!.. Если вас вообще кто-нибудь поймёт здесь во дворе, то, смею думать, это я!

– У неё Портулакия в зобу! – сострил один маленький простой утёнок; остальные простые утки нашли это бесподобным: Портулакия звучит, ведь, совсем как Португалия! И они подталкивали друг друга, крикая: Рап! Вот остряк! – Потом они опять заговаривали с певчею птичкой.

– Португалка – мастерица поговорить! – сказали они. – У нас нет таких громких слов в клюве, но и мы принимаем в вас не меньшее участие! И если мы ничего не делаем для вас, то не кричим об этом! По нашему так благороднее.

– У вас прелестный голос! – сказала одна из пожилых уток. –

То-то, должно быть, приятно сознавать, что радуешь многих, как вы! Я, впрочем, мало смыслю в пении! Оттого и держу язык в клюве. Это лучше, чем болтать глупости, каких вам столько приходится выслушивать.

— Не надоедайте ей! — вмешалась Португалка. — Ей нужен отдых и уход. Хотите, я опять вас выкупаю, маленькая певунья?

— Ах, нет, нет! Позвольте мне остаться сухой! — попросила та.

— А мне только водяное лечение и помогает! — продолжала Португалка. — Развлечение тоже очень полезно! Вот скоро придут в гости соседки куры; между ними есть две китаянки; они ходят в панталончиках и очень образованы. Они тоже нездешние, и это очень подымает их в моих глазах.

Куры явились; явился и петух. На этот раз он был настолько вежлив, что не грубиянил.

— Вы настоящая певчая птица! — сказал он птичке. — И делаете из своего крохотного голоса, что можете. Но надо иметь свисток посильнее, чтобы слышно было, что ты — мужчина!

Обе китаянки пришли от птички в восторг: она после купанья была вся взъерошенная и напомнила им китайского цыплёнка. — Как она мила! — сказали они и вступили с нею в беседу. Говорили они шёпотом и всё на «пе», как породистые китаянки.

— Мы, ведь, вашей породы! Утки, даже сама Португалка, принадлежат к водяным птицам, как вы, вероятно, заметили. Вы нас ещё не знаете, но и многие ли нас здесь знают, или дают себе труд узнать? Никто, даже из кур никто, хотя мы и рождены для более высокой нашествия^[1], нежели большинство! Ну да пусть! Мы смиренно идём своею дорогой среди других, хотя у нас и другие принципы: мы смотрим только на одно хорошее, говорим только о хорошем, хотя и трудно найти его там, где нет ничего! Кроме нас двух, да петуха, во всём курятнике нет даровитых и в то же время честных натур. Об утином дворе и говорить нечего. Мы предостерегаем вас, милая певунья! Не верьте вон той короткохвостой утке, — она хитрая! А вот та пёстрая, с кривым узором на перьях, страшная спорщица, никому не даёт сказать последнего слова, и сама всегда неправа! Та жирная утка обо всех отзывается дурно, а это противно нашей природе: уж если

нельзя сказать хорошего, лучше молчать! Португалка одна отличается хоть некоторым образованием, и с нею ещё можно водиться, но она тоже пристрастна и слишком много говорит о своей Португалии.

— И что эти китайки расшептались! — удивлялась пара простых уток. — На меня они наводят скуку; я никогда с ними не разговариваю.

Вот, явился и селезень. Он принял певчую птичку за воробья.

— Ну да, я много не разбираю! — сказал он. — Всё едино! Она из породы шарманок; есть они — ну и ладно.

— Пусть себе говорит, а вы не обращайтесь внимания! — шепнула птичке Португалка. — Он зато весьма деловитый селезень, а дела, ведь, главное!.. Ну, а теперь, я прилягу отдохнуть. Это прямой долг по отношению к самой себе, если хочешь разжиреть и быть набальзамированной яблоками и черносливом.

И она улеглась на солнышке, помигивая одним глазом. Улеглась она хорошо, сама была хороша, и заснула хорошо. Певчая птичка почесала сломанное крылышко и прилегла к своей покровительнице. Солнышко так славно пригревало, тут было чудесное местечко.

Соседские куры принялись рыться в земле; они в сущности и приходили сюда только за кормом. Потом они стали расходиться; первые ушли китайки, за ними и остальные. Остроумный утёнок сказал про Португалку, что она скоро впадёт в «утиное детство». Другие утки закрикали от смеха. «Утиное детство!» Ах, он бесподобен! Вот остряк!» И они повторяли и прежнюю его остроту: «Портулакия». Ужасно забавно было! Затем улеглись и они.

Прошёл час, вдруг на двор выплеснули помои и всякие кухонные отброски. От этого всплеска вся спящая компания проснулась и забила крыльями. Проснулась и Португалка, перевалилась на другой бок и пребольно придавила певчую птичку.

— Пип! — пискнула та. — Вы наступили на меня, сударыня!

— Не попадайтесь под ноги! — ответила Португалка. — Да не будьте такую неженкой! У меня тоже есть нервы, а я никогда не пишу!

— Не сердитесь! — сказала птичка. — Это у меня так вырвалось!

Но Португалка не слушала, бросилась на поживу и отлично пообедала. Покончив с едой, она опять улеглась. Птичка снова подошла к ней и хотела было доставить ей удовольствие своим пением:

Чу-чу-чу-чу!

Уж я не промолчу,

Я вас воспеть хочу!

Чу-чу-чу-чу!

— Теперь мне надо отдохнуть после обеда! — сказала утка. — Пора вам привыкать к здешним порядкам! Я спать хочу!

Бедная птичка совсем растерялась: она, ведь, хотела услужить! Когда же госпожа Португалка проснулась, птичка уж опять стояла перед нею и поднесла ей найденное зёрнышко. Но утка не выпалась, как следует, и, разумеется, была не в духе.

— Отдайте это цыплёнку! — крикнула она. — Да не стойте у меня над душой!

— Да вы сердиты на меня? — спросила птичка. — Что же я сделала?

— Сделала! — повторила Португалка. — Выражение не из изящных, позвольте вам заметить!

— Вчера светило солнышко, — сказала птичка: — а сегодня так серо, темно! Мне так грустно!

— Вы не сильны во времяисчислении! — сказала Португалка. — День ещё не кончился! Да не смотрите же так глупо!

— Теперь у вас точь в точь такие же злые глаза, как те, от которых я спаслась сюда!..

— Ах, бесстыдница! — сказала Португалка. — Вы меня приравниваете к кошке, этой хищнице? В моей крови нет ни единой злой капельки! Я приняла в вас участие и научу вас приличному обхождению!

И она откусила птичке голову; птичка упала мёртвая.

— Это ещё что?! — сказала Португалка. — И этого перенести не могла? Ну, так она и не жилица была на этом свете! А я была для неё матерью, это я знаю! Сердце у меня есть!

Соседский петух просунул голову на двор и закукурекал, что твой паровоз.

— Вы изводите меня своим криком! — сказала утка. — Это всё вы

виноваты! Она потеряла голову, да и я свою скоро потеряю!

– Не много-то места она теперь занимает! – сказал петух.

– Говорите о ней почтительнее! – сказала Португалка. – У неё был голос, она умела петь, была образована! Она была нежная и любящая, а это также приличествует животным, как и так называемым людям!

Вокруг мёртвой птички собрались все утки; утки вообще сильно чувствуют и выражают свои чувства: и зависть и жалость. Тут завидовать было нечему, так они жалели. Пришли и куры-китаянки.

– Такой певчей птички нам уж не нажить! Она была почти что китаянка! – И они всхлипывали; другие куры тоже, а утки ходили с красными глазами.

– Сердце-то у нас есть! – говорили они. – Этого уж у нас не отнимут!

– Сердце! – повторила Португалка. – Да, этого-то добра у нас здесь почти столько же, сколько и в Португалии!

– Подумаем-ка лучше, чем бы набить зобы! – заметил селезень. – Это важнее всего! А если и разбилась одна шарманка, что ж? Их ещё довольно осталось на свете!

---

^[1]Нашесть – насест, перекладина, жёрдочка в курятнике, на которую садятся на ночь куры, индейки и т. п.

     (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...